

Е. М. Штаерман

К ВОПРОСУ О КРЕСТЬЯНСТВЕ В ЗАПАДНЫХ ПРОВИНЦИЯХ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ*

Вопрос о том, когда в недрах рабовладельческой формации зарождаются элементы нового общественного строя—феодализма—и с какого времени можно говорить об их преобладании, в какой мере создались новые отношения к моменту окончательного крушения старых, до сих пор не решен в советской исторической науке и не может быть решен без глубокого изучения всех сторон этого процесса, без широкого обсуждения всех спорных вопросов в нашей печати. Не претендуя на окончательное решение вопроса, автор настоящей статьи предлагает на обсуждение ряд своих наблюдений и выводов по указанному вопросу. По существу говоря, решение этой проблемы упирается обычно в вопрос о том, рассматривать ли колонат как модифицированное рабство, или как явление, совершенно отличное, качественно новое. Различные мнения по этому вопросу были высказаны еще в рецензиях, появившихся на книгу В. С. Сергеева «Очерки по истории древнего Рима»¹. Часть рецензентов, особенно проф. Вайнштейн, резко критиковали автора за допущенное им будто бы преувеличение роли феодальных элементов в поздней империи, которая до самого конца своего существования оставалась, по их мнению, чисто рабовладельческой. Основным аргументом критиков было соображение о том, что, поскольку феодализм развивается начиная с IX в., нельзя считать, что он зарождается на четыре-пять веков раньше, так как такое утверждение приводит будто бы к признанию теории цикличности. Другие рецензенты, напротив, вполне признавали правоту В. С. Сергеева и доказывали, что колонат никак нельзя рассматривать только как «заплату» на разлагающемся рабовладельческом способе производства.

Опубликование статьи покойного А. Б. Рановича «Колонат в римском законодательстве II—V вв.» (ВДИ, 1951, № 1, стр. 83—109) снова привлекло внимание советских историков к этим вопросам. Вряд ли можно согласиться с мнением, высказанным М. Я. Сюзюмовым в его статье (ВДИ, 1951, № 4, стр. 83-88), представляющей собой как бы отклик на статью А. Б. Рановича.

* Статья печатается в порядке обсуждения проблем истории производителей материальных благ в древнем мире. Ср. статьи А. Б. Рановича и М. Я. Сюзюмова, опубликованные в ВДИ, 1951, № 1 и 4.

¹ См. главным образом рецензии: А. Б. Ранович, ВДИ, 1933, № 4, стр. 213—218; С. И. Протасова, «Историк-марксист», 1939, № 4, стр. 172—176; К. М. Коблова и О. Л. Вайнштейн, «Научно-методические записки Ленинградского городского института усовершенствования учителей», т. II, кафедра истории, вып. 1 (1939), стр. 162—178.

вича, что нет необходимости изучать зарождение феодальных элементов в империи и генезис крестьянства, так как это уже делали буржуазные ученые. Сам же М. Я. Сюзюмов пишет, что они делали это с целью доказать мирный переход к феодализму, а следовательно, с целью исказить истину. Тем более необходимо советским историкам исследовать этот вопрос с марксистских позиций.

Сомнительно и утверждение М. Я. Сюзюмова, что «позднеримское законодательство находилось под исключительным влиянием города» и что в кодексах имеются в виду в первую очередь «владельцы подгородных участков, ведущих товарное хозяйство». Автор, возможно, подходит к вопросу только с точки зрения крупнейших городов восточных провинций и преувеличивает их значение и значение торгово-денежных отношений и связанных с ними слоев, распространяя его на всю империю. Напротив, чтение кодексов скорее оставляет впечатление, что в центре внимания стоят замкнутые имения, основывающиеся на натуральном хозяйстве. Ведь в одном из рескриптов Валентиниана прямо говорится, что господа имений должны получать то, что дает земля, и не требовать денег, которых сельские жители желать не смеют (СІ, XI, 47,5). И еще раньше, в законе от 326 г., Константин писал, что «деньги, в которых древние видели всю силу имущества, ненадежны, нестабильны и часто сводят имущество на-нет» (СІ, V, 37,22). Примеры эти можно было бы умножить, так же как и примеры рескриптов, трактующих именно о внутриместной торговле. К этому надо добавить, что Константин, первый прикрепивший колонов, никак не может считаться выразителем интересов городских кругов. Недаром же такие писатели, как Аммиан Марцеллин и Зосим, считали, что именно он погубил города и городскую жизнь.

Конечно, торгово-денежные отношения не исчезли в период поздней империи, но относительно сельского населения они играли только роль фактора, ускоряющего его разорение и закрепощение, а что сельское население играет основную роль в поздней империи, не может вызывать сомнений. Но, по всей видимости, роль его становится весьма значительна уже в III в., особенно во второй его половине. Это подчеркивал еще Виноградов, говоря об отливе плебейского населения из городов в села¹.

Вместе с тем для определения природы социально-экономического строя и государства поздней империи очень важно выяснить, что представляло собой сельское население, каково было его положение и как оно изменялось в разные периоды и в разных частях империи, поскольку неравномерность развития провинций и неоднородность господствовавших в них укладов в значительной мере влияли на общий ход истории империи. Положение производителей материальных благ в сельском хозяйстве является в известной мере определяющим для характеристики общества и государства империи III—IV вв., поскольку, как говорит Маркс, «та специфическая экономическая форма, в которой неоплаченный прибавочный труд выкачивается из непосредственных производителей, определяет отношение господства и порабощения, каким оно вырастает непосредственно из самого производства, и, в свою очередь, оказывает на последнее определяющее обратное действие... Непосредственное отношение собственников условий производства к непосредственным производителям... — вот в чем мы всегда раскрываем самую глубокую тайну, сокровенную основу всего общественного строя, а следовательно, и политической формы отношений суверенитета и зависимости, короче, всякой данной специфической формы государства»².

¹ П. Виноградов, Средневековое поместье в Англии, 1911, стр. 95.

² К. Маркс, Капитал, т. III, М., 1950, стр. 804.

В период наибольшего развития и накануне кризиса рабовладельческого строя в империи, в частности в ее западных провинциях, т. е. во II в., мы можем отметить следующие основные категории земельной собственности, типов хозяйства и сельского населения: 1) императорские земли, частично обрабатывавшиеся рабами, частично сдававшиеся в аренду колоннам; 2) земли крупных собственников, не входившие в состав городских территорий, где, по всем данным, колонат также развивается довольно рано; 3) земли, входившие в состав городских территорий и делившиеся между представителями сословия декуррионов, состоявшего в известной мере из ветеранов; это были виллы средней величины, обрабатывавшиеся рабами; 4) земли, на которых жили свободные крестьяне, члены племен, не получивших городского устройства, сохранившие еще в большей или меньшей степени пережитки общины и жившие в пагах и селах. Все эти категории претерпевают более или менее значительные изменения в течение III—IV вв. Рабовладельческие средние и мелкие муниципальные хозяйства, в связи с кризисом рабовладения, приходят в упадок¹, а земли городов в значительной мере переходят в частное владение, это и было одной из причин упадка городской жизни и «англичной формы собственности». Крупные латифундии, которые могли легче приспособиться к натуральному хозяйству, чем средние имения, в значительной мере связанные с рынком и денежным хозяйством, крепнут, и в них концентрируется значительная часть зависимых земледельцев разных категорий. Свободное крестьянство, о котором для II в. мало данных, приобретает известное значение в III в., но положение его снова значительно изменяется в IV в.

Относительно населения сел и пагов существуют различные мнения. Одни исследователи считают, что почти все население империи было приписано к городам и считалось горожанами, даже живя в селах, поскольку села не имели собственной территории и включались в территорию города. Исключение делается лишь для поселений отдельных, внегородских племен, которым эти авторы не придают особого значения². Другие, как например, Виноградов, считают, что села были весьма многочисленны и имели самостоятельную организацию, независимую от городов³. Приверженцы первого мнения ссылаются обычно на известное место из Ульпиана о том, что житель села имеет родиной город, к которому приписано село. Однако это место вовсе не свидетельствует о том, что все села были приписаны к городам. Из сочинений агрименсоров мы можем почерпнуть следующие данные.

Гигин пишет, что земли, розданные ветеранам, подчиняются законам той колонии или муниципии, из территории которой они взяты, причем юрисдикция колонии распространяется только на те земли, которые были адсигнированы. Иное толкование, говорит он, ошибочно. Часто случается, что в указанных границах встречается какое-нибудь поселение (*oppidum*), которое остается в своем прежнем положении и в нем сохраняется то право, которое было прежде⁴. Те владельцы, которые при разделе полей между колонистами сохранили свои прежние земли, остаются в прежнем положении, так как им не дозволено увеличивать собой число граждан колонии. Когда из территории берутся земли для наделения, тем,

¹ См. Е. М. Штаерман, Рабство в III—IV вв. в западных провинциях, ВДИ. 1951, № 2.

² См., например, A. Schulten, Die Landsgemeinden in römischen Reich, «Philologus», XXXV (1894), стр. 629—686. На такой же точке зрения стоит Ростовцев и некоторые другие.

³ П. Виноградов, Средневековое поместье в Англии, стр. 85 сл.

⁴ «Die Schriften der römischen Feldmesser», hrsg. und erläutert von F. Blume, K. Lachmann und A. Rudorff, B., 1848, стр. 118.

кого наделяют, даются права собственности, но у территории ее права не отнимаются (стр. 119). Сикул Флакк сообщает, что у жителей отнимается, при выводе колонии, не вся земля, а только столько, сколько необходимо для наделения (стр. 160). Во многих муниципиях прежние жители изгонялись со своих земель, и на их место селились колонисты, но некоторым земли оставались, а некоторых заставляли жить внутри стен (стр. 164). Таким образом, мы видим, что вовсе не вся земля и не все прежние владельцы даже при выведении колоний входили в их состав и, напротив, многие сохраняли свои прежние формы поселения и организации, и что нет причин считать каждое село атрибутивным городом. Напротив, мы знаем, что приписка сельских жителей к городу, дававшая право городу налагать на них повинности, считалась известной привилегией и специально испрашивалась у императора. Если и можно говорить о тенденции к муниципализации большей части населения по мере роста городов, то нельзя считать, что эта политика нашла свое полное завершение. Особенно это относится к таким областям, как придунайские, прирейнские и, частично, к Нумидии и Мавритании. Там все время сохраняется много племенных поселений и сел, которые особенно хорошо известны нам из надписей III в., когда гражданская жизнь приходит в упадок. В это же время начинает развиваться тенденция, противоположная вышеуказанной, а именно, к отделению сельских жителей от городских по роду их повинностей.

Законы второй половины III в. устанавливают, что живущий вне города, хотя бы он и имел поле на его территории, не считается гражданином этого города и не обязан нести повинности в его пользу; никто, предписывает Диоклетиан, из живущих вне стен города и вносящий подушный налог и аннону, не должен привлекаться к исполнению каких-либо других повинностей (Dig., XI, 4, 35; CI, XI, 54,1). В конце III и в первой половине IV в. появляется и ряд других законов, предписывавших чиновникам и дефенсорам защищать крестьян и сельчан (*rustici et vicani*) от посягательства сильных людей и переобременения их повинностями. Запрещалось уводить у крестьян пахотных быков за долги, облагать пошлиной ввозимые ими сельскохозяйственные орудия и т. д. В большинстве этих указов речь идет о свободных крестьянах дунайских областей (CI, I, 55, 3; 4; 5 и др.). Отделение крестьян от горожан должно было нанести чувствительный удар городам, так как тем самым сокращалось число лиц, обязанных податями и повинностями. Особенно должна была пострадать городская аннона, так как крупнейшие города имели право взыскивать налог зерном для анноны с окрестных крестьян в количестве, пропорциональном размеру их полей. Города переставали быть оплотом императорской власти. По меткому замечанию В. С. Сергеева, империя из объединения городов превращалась в объединение сельских округов. Императоры старались насаждать и поддерживать крестьянство (см., например, данные в биографии Александра Севера) отчасти потому, что свободное крестьянство было той средой, из которой вербовались солдаты, отчасти, чтобы поднять сельское хозяйство, которое приходит в упадок в связи с упадком муниципального рабовладельческого землевладения, отчасти, быть может, чтобы противопоставить его растущему крупному землевладению, угрожавшему сильной императорской власти, поскольку города уже не могли служить надежной опорой, особенно в западных провинциях. В этом плане особо надо заметить, что с середины III в. образование новых колоний и муниципий почти прекращается. Даже крупные поселения, вполне развившиеся до положения города, например, Могонтиак (Майнц), так и остаются селами (*vici*).

Вместе с тем следует помнить, что с самого начала в провинциях существовали крестьяне и сельчане, жившие на частных землях. О них говорит

широко известное место из Фронтин, упоминающее провинциальные сальтусы, более обширные, чем территории с немалым населением и селами вокруг вилл¹. Такие владения были в Африке и, несомненно, в Галлии, где местная знать сохраняла вначале всю свою землю с клиентским населением. Но из тех же аграрных источников можно заключить, что в конце I и начале II в. эти владения в известной мере дробятся. Сикул Флакк пишет, что нередко случается так, что могущественные лица, владевшие латифундиями, на землях которых было многочисленное население, изгонялись, и эти земли делились между жившими на них людьми (там же, стр. 161). В другом месте он пишет, что, кроме имевших специальные разрешения владеть экземпрованными крупными имениями, никому не дозволено владеть большим имением, чем определено эдиктом, и что излишние (против установленного) земли прежних владельцев передавались колониям (там же, стр. 197).

Таким образом, крупные владения частично дробились, и расположенные на их территории села получали самостоятельность. Но, конечно, это вряд ли проводилось на всей территории империи, и к тому же постоянно существовала со временем все усиливавшаяся тенденция к концентрации земли. Села на частных землях сохраняются. Папиниан и Модестин разбирают два случая, когда были завещаны села (Dig., XXX, 34 и 77). В первом случае дело идет о селе, которое вместе с населением принадлежало некоей женщине, вторично вышедшей замуж. Она завещает *usus fructus* на это село своему второму мужу, а после его смерти владение селом должно перейти к ее дочери от первого брака. Во втором случае говорится о селах, завещанных городу. Папиниан упоминает о том, что завещатель намеревался установить в селах ежегодные празднества. Это обстоятельство позволяет предположить, что жители сел не были рабами завещателя. Скорее всего, это были его клиенты. О клиентах, живших на земле богатых людей, говорит еще Гораций, осуждая патронов, сгоняющих клиентов с их земельных участков. У Феста дается совершенно фантастическая этимология слова *patres* от *partes*, так как *patres* будто бы раздавали свою землю по частям мелким людям (*tenuioribus*). Так как против своего обыкновения Фест здесь не ссылается ни на какой древний авторитет, можно заключить, что это толкование — плод его собственных домыслов и что основано оно на фактах современной ему действительности. А что мелких людей он считал, по видимому, клиентами, видно из того, что слово *patrocinium* он связывает с разделением мелких людей между отцами (*patres*), которые должны были их защищать своими силами.

В книге «Исторический материализм» под ред. Константинова, в разделе, посвященном классам античного общества, совершенно справедливо указывается, что крестьяне были не основным классом (стр. 217). Действительно, мы видим, что в период расцвета и накануне кризиса рабовладельческой формации крестьяне были либо свободными жителями сел, сохранявших элементы общины (таких было большинство в Британии, на Рейне и на Дунае и немало в других провинциях), или жители сел на территории частных владельцев, клиентами которых они, возможно, считались (таких было большинство в Африке и Галлии и кое-какие пережитки этих отношений сохранились даже в Италии). И те, и другие частично становились гражданами городов и самостоятельными владельцами, но в большей или меньшей степени сохранялись и эти исходные категории.

Но в дальнейшем, в III—IV вв., социальная сущность крестьян меняется, причем различные их категории переходят к новому статусу разными путями.

¹ «Die Schriften der Römischen Feldmesser», I, стр. 53.

Крестьяне прирейнских и придунайских областей были членами германских, кельтских, иллирийских, фракийских, дакийских племен, во многом сохранивших пережитки общинного строя. Так, например, мы знаем из надписей, что они целым селом ставили солдат в местную милицию и село в целом давало этим солдатам известные привилегии в противоположность ветеранам регулярной *auxilia*, получавшим свои привилегии от императора (CIL, XIII, 6740, 7250). Частично они, повидимому, сохранили еще старую, доримскую военную организацию, когда паг, как сельская община, соответствовал пагу как войсковой единице; по крайней мере в двух надписях упоминается «паг, находящийся на военной службе (*pagus ... militans*)», очевидно, именно в этом смысле (Riese, №№ 1878 и 1878a). Сельчане имели общие земли, их территория была отграничена от окружающих земель, они имели свои святилища, своих местных богов, из которых особенно характерны германские и кельтские богини-матери (*matres*), хорошо известные из надписей конца II и III вв. Насчет происхождения этих богинь мнения расходятся. Некоторые считают их территориальными, другие родовыми божествами. Кое-какие *matres* считаются более общими богинями плодородия, богатства и т. п.¹ Действительно, имеются такие из них, имена которых связывают с племенами, например, *Senuxae* с племенем сенуков, *Hamavehis*, которые, возможно, происходят от племени хамавков, и такие как *Arpiae*, которых считают богинями Эйфеля, и *Iulineithiae* и *Lucretiae*, возможно, возникшие позже в римское время в селах *Iuliacum* и *Lucretius*², и, наконец, такие, как *Aufaniae*, имена которых толкуют как «подательницы благ» и т. д. Многие эпитеты «*matres*» вовсе не истолкованы. Однако все эти мнения и толкования не противоречат друг другу. Эти божества, возникнув как родовые и племенные, могли по мере изменения условий менять свои функции, становиться или более общими, или территориальными божествами. «Чем дальше жил род в своем селе и чем больше постепенно сливались германцы и римляне, тем больше родственный характер связи отступал на задний план перед территориальным»³. Такую же эволюцию переживали и боги. Различные ступени в развитии местных культов только подтверждают, что и на территории империи племена проходили различные ступени развития общинно-родовых отношений, не изжив их, однако, окончательно. Особенно интересны упомянутые *Iulineithiae*. Наличие их позволяет заключить, что если село возникало и на территории частного владельца (известно, что село могло получить название *Iuliacum* от *fundus Iuliacum*, т. е. от имения, принадлежавшего какому-то Юлию), то все же жители его рассматривали себя как единую общину, стоявшую под покровительством особых территориальных божеств.

Эти сельские жители, по всей видимости, не получали прав римского гражданства и по эдикту 212 г.⁴ обстоятельство, имевшее не только юридическое, но и чисто практическое значение. Гай сообщает в своих «Институциях», что в свое время фидеикомиссы были изобретены, чтобы обойти закон, по которому римский гражданин не мог завещать свое имущество peregrinu, но Адриан запретил такие завещания даже по фидеикомиссам (*Inst.*, II, 275). Вскоре затем изменяется и обычная формула военных дипломов, дававшихся ветеранам *auxilia*: вместо того, чтобы предоставить гражданство ветерану, его детям и потомкам, оно предоставляется только ему самому. Так как эти факты совпали с введением территориального на-

¹ См., например, F. Cramer, *Römisch-Germanische Studien*, 1914, стр. 172 сл.

² H. Schmitz, *Köln in römischer Zeit*, 1948, стр. 67.

³ Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства. М., 1950, стр. 156.

⁴ См. мою статью «К вопросу о *deditici* в эдикте Каракаллы», ВДИ, 1946, № 2.

бора в армию, то смысл их более или менее ясен: солдат, взятый в армию из какого-либо села и после отставки получивший там же свой земельный участок, не мог завещать его своим родным, односельчанам или родившимся до его отставки сыновьям, если те, в свою очередь, не заслуживали римского гражданства, поступив в армию. Уже при Диоклетиане некий Зизон, судя по имени фракиец и римский гражданин, обратился к императору с просьбой вмешаться в его тяжбу о наследстве: его отец усыновил некоего перегриня, который теперь, на правах брата, требует свою долю имущества. Диоклетиан разъясняет, что римский гражданин не может усыновить перегриня и что всякая передача ему имущества незаконна (СІ, VI, 78).

Таким образом, бывший крестьянин, став ветераном и римским гражданином, получал землю на особых правах, присущих римскому гражданину, и как бы выделялся из общины своих односельчан. Сын его обычно также шел на военную службу. Путь возвышения такой семьи неоднократно засвидетельствован в надписях конца II и III вв.: отец поступал во вспомогательную часть, получал после отставки римское гражданство и землю. Он женился на дочери другого ветерана. Их сын служил уже в легионе и после отставки становился городским магистратом и декурионом. Внук иногда добивался звания римского всадника и более или менее высокого чина в армии. Такие семьи, конечно, уже не походили на своих односельчан-крестьян. Те оставались сельчанами-общинниками, *vīcanī*, эти делались землевладельцами муниципального типа, *possessores*. До нас дошли межевые камни между селами и виллами посессоров. Посессоры бывали патронами сел, строили для них храмы и получали от них благодарственные надписи (например, Юлии Фестилле, Фламинике наилучшей соседке за заслуги сельчане Эбуродуна, Riese, 2033), завещали им земли для устройства поминок по ним и их домашним (например, СІІ, III, 7526, Riese, 2034). Как можно заключить из вышеприведенных свидетельств агрименсоров, земли, входившие в состав villae ветеранов, подлежали городской юрисдикции и включались в территорию городов, как адсигнированные, тогда как земли сельчан сохраняли прежний статус. В *Liber coloniarum*, входящей в состав сборника агрименсоров, говорится относительно Далмации, условия в которой отчасти были сходны с условиями в Дунайских провинциях: в различных районах имеются села или имения (*possessiones*), последние являются свидетельствами земельного наделения (*agraria dividenda*, стр. 240). Интересна известная надпись из района Аквинка, относящаяся, судя по преобладанию имени Аврелиев, к III в. Ее ставят в честь Юпитера и всех богов посессоры села Виндониана. Алтарь соорудил декурион Аквинка Аврелий Эпиктетпан во владениях римского всадника Аврелия Веттиана, с его разрешения, для сельчан села Виндониана и по их просьбе — *precario petentibus* (СІІ, III, 3626). Здесь сельчане определенно отделены от посессоров. Характерно также выражение *precario petentes*, относящееся к сельчанам, поскольку в это время, судя по кодексам, в понятии прекарного владения заключалось представление о некоторой зависимости и подчиненном положении прекарного владельца. Надписи из Аквинка аналогична надпись из Галлии: *decemlecti possessorum Aquensium donaverunt lucum cum sua vinea vicani Aquensis ad ludos celebrandos pro salute imperatoris Augusti. Zmer-tuccius Titianus patronus vici aram de suo dat* (АЕр., 1934, № 165). Об этих сельчанах имеется и еще одна надпись, к сожалению, сильно фрагментированная. В ней речь идет о том, что *decemlecti* и два патрона ставят за свой счет алтарь по случаю того, что некто подарил сельчанам и посессорам гончарные мастерские, чтобы с их доходов устраивать угощения (СІІ, XII, 2461). В обоих случаях опять-таки посессоры и сельчане раз-

личаются. Повидимому, часто они жили на одной территории, чем объясняется дар гончарных мастерских совместно сельчанам и посессорам. Возможно, что таковы же были взаимоотношения, отраженные в известных надписях из Нижней Мезии, где на ряде сельских алтарей совместно фигурируют ветераны, римские граждане и бессы или римские граждане и *lai*, которых считают также фракийским или кельтским племенем, поселившимся в нижней Мезии, хотя мнение это и спорно¹. В таком случае ветераны и римские граждане должны были быть на положении посессоров, а бессы и *lai*, кто бы они ни были, — на положении сельчан. Что земли, дававшиеся военным, изымались из земель села, видно из одного межевого камня из Паннонии на территории племени скотдрисков. На одной его стороне значится: *ag(er) ex(eptus) vici losi... adsig(natus)*, на другой: *c(aput) a(gri) e(xepti) Ti. Cl. Prisco praef(ecto) al(ae) I c(ivium) R(omanorum)* (АЕр, 1911, 237). В надписи из района Кельна упоминаются *possessores vico Lucretio scamno primo* (Riese, 2304). Здесь характерно указание на *scamnum*. Как известно, это была земельная мера, отличная от центурии, но также служившая при измерении и разделе провинциальной земли для наделения ею солдат или колонистов. То, что в приведенной надписи владельцы такой надельной земли называют себя не как обычно жители сел — *viciani*, а *possessores*, весьма показательно. Следовательно, можно полагать, что военные, получавшие земли в этих селах, отличались от крестьян в юридическом отношении как в отношении собственности на землю, так и по своему личному положению, так как по закону и ветераны, и солдаты приравнивались к сословию декуррионов, они были освобождены от «плебейских повинностей», их нельзя было пытаться и вообще подвергать «плебейским наказаниям» и т. п. (СI, IX 41, 8). Но они отличались от крестьян и по своему экономическому положению. Хотя точно неизвестно, каков был надел ветерана и, к тому же, величина его менялась в зависимости от качества земли и от чина нового владельца, но на основании раскопок в Галлии и на Рейне считается, что средний надел ветерана из рядовых равнялся 400—500 югеров, возрастая соответственно вдвое и более, когда дело шло о бывшем центурионе или трибуне². Но даже меньше в 400—500 югеров соответствует по величине хорошему имению муниципального декурриона. И, как мы знаем, именно отставные военные составляли в конце II и III в. основную массу городских магистратов и декуррионов на Дунае. Далее, если мы посмотрим на немногочисленные надписи рабов и отпущенников Дунайских провинций (исключая Дакию, где обилие пришлого элемента затемняет картину), то мы увидим, что, если не считать рабов и отпущенников императора, чиновников, крупных командиров и пришлых дельцов, вроде семьи откупщиков Юлиев, подавляющее большинство рабов и отпущенников принадлежит солдатам и ветеранам. Правда, обычно в эпитафиях упомянуто не более 2—3 отпущенников, но все-таки важно, что именно в хозяйствах солдат и ветеранов наиболее привился труд рабов, что также сближает их земельные владения с типом муниципальных имений. Из всего этого видно, как ошибочно считать солдат немущими, деклассированными элементами или представителями *plebs rustica, humiles* и т. д., как это делают не только Ростовцев, но и некоторые наши историки. Если жители сел и были той первоначальной средой, из которой вербовались солдаты, то, попав в армию, они, несомненно, рано или поздно переходили в другую социальную категорию,

¹ Наиболее полно эти надписи и их толкования собраны в статье S. L a m b r i n o, *Le vicus Quintionis et le vicus Secundinus de la Scythie Mineure, «Mélanges offerts à Marauzeau»*, P., 1948.

² См. S c h m i t z, ук. соч., стр. 141 сл. и данные там ссылки.

наиболее близкую к муниципальной знати. Здесь не место останавливаться на вопросе о том, какое значение это обстоятельство имело для всего хода истории III в., но важно отметить, что оно сыграло значительную роль в судьбах придунайского и прирейнского и, отчасти, африканского крестьянства. Несомненно, усиленный набор в армию из этих областей и последующее наделение ветеранов землей в конце II—III вв. способствовали скорейшему разложению общины и развитию частной собственности на землю. Об этом говорят те данные, которые были приведены относительно *vicani* и *possessores*. Этому же должно было способствовать и увеличение денежного обращения, поскольку военные получали значительные денежные раздачи. Не случайно именно в III в. так развивается в этих областях культ домашних божеств — домашних матерей и Юнон на Рейне и особенно домашнего Сильвана на Дунае, который упомянут в многочисленных надписях. В то время домашний Сильван рассматривался как покровитель домашней усадьбы, первый изобретатель и хранитель нерушимого межевого знака. Почему, пишет один современный автор, каждое владение почитает Сильвана? Потому что он первый на земле поставил межевой камень. Домашний Сильван посвящен владению (*possessio*) («Schr. Röm. Feldm.», стр. 302).

Рост частного землевладения и разложение общины способствовало разорению сельчан. Не исключена возможность, что новые владельцы захватывали общие земли, леса и пастбища. О том, что такие факты были нередки, свидетельствуют агрименсоры, в частности поздний комментатор Фронтин, Урбик, хотя он и не указывает, о каких областях империи идет речь («Schr. Röm. Feldm.», стр. 79). О положении тамошних крестьян дают известное представление параграфы кодексов, специально трактующие о крестьянах Иллирика и относящиеся к половине IV в. Дефенсоры, говорится там, должны защищать их от притеснения могущественных людей, должны брать их под патрониний, чтобы их не обманывали в судах (CTh, I, 29, 1 и 5). Если кто-нибудь в Иллирике, говорится в другом законе от 365 г., из чиновников или тех, кто по своему положению может быть страшен для маленьких людей, заставит крестьянина работать на себя, как своего раба, под предлогом выполнения повинностей или использует для своих нужд его раба или быка, то пусть будет лишен всех средств и отправлен в вечное изгнание, хотя бы крестьянин говорил, что работал на него по собственному желанию (CI, XI, 54, 2). Последний закон особенно интересен, так как он показывает, что крупные землевладельцы использовали крестьян, как рабочую силу в своих имениях. Я уже указывала в статье о рабстве, что *Expositio totius mundi* во второй половине IV в. называет Мавританию и Паннонию экспортными рабов. Этот факт позволяет сделать два заключения: во-первых, что крестьяне были разорены настолько, что или сами попадали в рабство, или принуждены были продавать в рабство своих детей; а, во-вторых, что рабы не находили широкого применения и сбыта в самой провинции и продавались вовне.

В придунайских провинциях рабство никогда не было особенно развито. В период наибольшего его развития в других провинциях в I—II вв. эти области еще не были так значительно романизированы, и здесь преобладали отношения, свойственные более ранним ступеням развития. Когда же и здесь развились крупное частное землевладение и торгово-денежные отношения, рабовладельческий строй в целом уже находился в упадке и здесь сразу стали применяться другие формы эксплуатации непосредственных производителей, а именно эксплуатация бывших общинников-крестьян. Между прочим, не безинтересно отметить что христианский поэт IV в. Павлин Ноланский в одной из своих песен, посвященных миссионеру придунайских провинций епископу Никете, пишет, что бессы,

всегда бывшие непокорными разбойниками, души и земли которых были более суровы, чем их снега, теперь стали кроткими, как овцы, трудятся и наслаждаются плодами своих трудов (Paul. Nolani Carmina, XVII, 205 сл.). Автор приписывает это «смягчение нравов» тому, что бессы восприняли христианство. Однако, вероятно, изменения в образе жизни и характере бессов были вызваны не влиянием христианства, а изменениями в экономическом положении дунайского крестьянства, которое под влиянием нужды, долгов и прямого принуждения должно было работать на землях крупных владельцев.

Императоры, пытавшиеся, повидимому, безуспешно, несколько защитить и сохранить этот класс свободных землевладельцев, в конце концов в законе 371 г. об иллирийских колонах санкционировали их прикрепление к земле и обязанность работать на землевладельца. Вскоре то же положение было распространено и на Фракию (CI, XI, 51 и 52). Однако, так как здесь колонны произошли главным образом из свободных крестьян-общинников, оба закона подчеркивают, что они должны считаться свободнорожденными и лишь рабами земли.

В этот же период, как показывают данные раскопок, растет крупное землевладение и в прирейнских областях и в северо-западных частях Галлии; тот же процесс и, повидимому, с теми же результатами происходит в Мавритании и в некоторых частях Нумидии. И именно все эти районы становятся ареной ожесточенной классовой борьбы. На Дунае местное население поддерживает восставших готов, в Мавритании и Нумидии с конца III в. не прекращаются восстания местных племен и движение агонистиков¹.

В своей очень интересной диссертации «Провинция Ахайя при Антонинах» О. В. Кудрявцев убедительно показал, что отсутствие крестьянского населения в Ахайе не дало возможности развиваться там колонату². Напротив, мы видим, что в областях с многочисленным крестьянским населением развитие колоната шло в наиболее чистом виде и сопровождалось борьбой масс, расшатывавших рабовладельческое общество и обусловивших его конечную гибель.

Несколько иначе шел процесс в романизованных провинциях, где рабство приобрело значительное распространение и где кризис сопровождался разорением и разложением имений муниципального типа³. Для того, чтобы выяснить особенности положения сельского населения этих провинций, необходимо прежде всего разобратся в терминологии источников, упоминающих это население. Такая попытка была отчасти предпринята Хейтландом в его известной работе «Agricola», но он ограничил свой терминологический анализ главным образом несколькими авторами I в., писавшими об Италии. Между тем, чем дальше, тем больше терминология эта становится неясной, не только в литературных, но и в юридических источниках. Термины *rusticus*, *rusticanus*, *colonus*, *vicanus* не дают уже нам права с уверенностью заключить, идет ли речь о свободном крестьянине, колоне или даже сельском рабе. Так, например, Марциал иногда употребляет слово «колон» и в его общем смысле «земледелец» (например, I, XVIII), и в более узком, как собственно «колон» (например, II, XI). Но в своем известном описании именина Фаустина в Байях (III VIII) он употребляет термины *rusticus* и *colonus* как равнозначные, причем термин *colonus* следует понимать как обозначающий колона в собственном смысле

¹ См. А. Д. Дмитриев. Восстание готов на Дунае. ВДИ, 1950, № 1, стр. 66, сл.; он же. Движение агонистиков. ВДИ, 1948, № 3, стр. 66 сл.; Е. М. Штаерман. Африканские восстания III в.. ВДИ, 1948, № 3.

² См. автореферат диссертации, М., 1951, стр. 15 сл.

³ См. Е. М. Штаерман, ук. соч., стр. 89.

слова. Марциал описывает, как к хозяину являются с сельскими дарами колоны, сцена, хорошо известная из позднейших провинциальных изображений, например, на знаменитом надгробном памятнике из Игеля, близ Трира. Вначале он пишет: *nes venit inanis rusticus saluator*, перечислив же принесенные им подарки, он заключает, что с подношениями от матерей являются и *virgines colonorum*.

Сложнее вопрос о терминологии Плиния Младшего. В своем письме, где он говорит о покупке имения и о долгах колонов, он называет их именно «колонами» (Ер., III, 19), также называет он их и в письме к Траяну, где пишет, что должен позаботиться найти для своих земель новых колонов (Ер., X, 24). Но в ряде писем он упоминает *rustici*. В одном письме, где он описывает свое времяпрепровождение в имении, Плиний пишет, что он обходит маленькие земельные участки (*agellos*), выслушивает многие подробности сельских жалоб (*multum rusticarum querelarum*), читает неохотно и бегло счета — *rationes* (V, 15). В другом письме он жалуется, что и в имении его преследуют заботы: многие делают его судьей или арбитром, к этому прибавляются жалобы крестьян — *querelae rusticorum*, которые, после долгого промежутка времени, злоупотребляют своим правом на его внимание. Ему тяжела и необходимость сдавать поля, так как трудно найти годных кондукторов (VII, 30). Те же жалобы в письме из Тускского имения: он уехал сюда, чтобы жить свободно, однако он ошибся; такое множество отовсюду прошений от крестьян и так его беспокоят жалобами (*tam multis undique rusticorum libellis et tam querulis inquietor*, IX, 15). И, наконец, из того же имения он пишет, что проводит время в охоте, беседах и т. п. и, между прочим, уделяет время и колонам (*colonis*), хотя, по их мнению и недостаточно, и их сельские жалобы (*agrestes querelae*) заставляют его более ценить городские занятия (IX, 36). Последнее письмо делает вероятным, что все упомянутые в других письмах *rustici* были также колонами, но не исключена и другая возможность, что в последнем случае термин «колон» употреблен в общем значении земледелец, поскольку в тех письмах, где говорится о колонах в собственном смысле, они названы именно колонами. В таком случае *rustici* могли быть и крестьянами, находившимися в клиентской зависимости от Плиния, как крупного землевладельца и важного лица. Но, повидимому, и в действительности в это время четкое разграничение обоих понятий, по крайней мере для Италии, уже стирается. Как параллель к письмам Плиния, можно привести эклогу, написанную в конце III в. африканским поэтом Немезианом (или его современником Кальпурнием). Пастухи воспевают здесь под именем Мелибея умершего друга поэта, землевладельца, и говорят, между прочим, что он любил разбирать тяжбы крестьян (*ruricolae lites*), что под его властью (*sub te*) межевой знак разграничил спорные поля (*ambiguos agros*). Кто же были эти *ruricolae* и каково было их отношение к Мелибею? Если это были колоны, почему они спорили о земельных участках, ведь колон-арендатор получал определенный участок, с которого исчислялись его повинности? С другой стороны, если это были свободные крестьяне, почему они как бы находились под властью Мелибея и обращались со своими тяжбами не в суд, а к нему? И здесь возникает мысль, что были клиенты, может быть, из свободных крестьян, находившиеся в известной зависимости от крупного владельца. Немало споров вызвала и социальная сущность тех сельских жителей, которые, по приказу «знатных юношей», вооружились, чтобы поддержать восстание Гордианов против Максимиана. Судя по Геродиану, это были сельские рабы, но в SHA они определены как крестьяне (*rustici*). Хейтланд высказал по этому поводу предположение, что Геродиан применил более точный, а историк IV в. Капитолин более общий термин

(стр. 342). Но почему такая замена стала возможной, он не объясняет и даже не задается этим вопросом.

У более поздних писателей IV в. смешение различных понятий, обозначающих сельское население, еще более заметно. Так, в одной песне Павлина Ноланского сельчане (*vicani*) отождествляются с колонами (*Carm.*, XXVIII, 88 сл.); в другой упоминаются «сельские колоны» (*de rure coloni*) (XVIII, 196); но в той же песне он рассказывает о *homo re tenuis plebeius origene, cultu rusticus* (человек бедный, простого происхождения, по образу жизни крестьянин), весь его доход состоял из платы, которую он получал, отдавая в наем своих быков (XVIII, 219 сл.). Сельских жителей (*vicani* и *rustici*) неоднократно упоминает и Сульпиций Север в жизнеописании Мартина Турского, но были ли это свободные крестьяне или колоны, неясно.

Также и в кодексах понятия крестьянин и колон постепенно сближаются. Так, в разделах о торговле говорится: «не следует ваших (здесь Констанций обращается к сенаторам) крестьян (*rusticanos*) и колоннов записывать в число купцов, если... эти ваши люди и сельчане (*vicani*) продают, оставаясь в пределах ваших владений, то, что они добывают на тех землях и полях, на которых они живут» (CTh, XIII, 1, 3). В другом параграфе того же раздела говорится, что колоннов императорских имений или других крестьян (*rusticanos*) не следует беспокоить за те товары, которые рождаются на их полях. Далее, им противопоставляются те из крестьян (*rusticana plebs*), которые торгуют ради прибыли и делят жребий купцов и которых торговая жизнь отвлекает от усердия к обработке полей (там же, 10). Как мы видим, здесь термины «колон» и «крестьянин» уже полностью равнозначны. Однако в законе 399 г. против патронциев упоминаются земледельцы (*agricolae*) и сельчане (*vicani*), имеющие собственное имущество (CTh, XI, 24,5). Здесь могут подразумеваться и свободные крестьяне.

Но если к концу IV и началу V в. свободные крестьяне и колоны почти полностью слились в одну категорию¹, то естественно встает вопрос, когда такое слияние началось и чему оно соответствовало на практике. Если судить по терминологии, в Италии оно началось раньше всего. Но более подробные данные имеются для Африки первой половины III в. Эти данные можно почерпнуть прежде всего из романа Апулей, поскольку в литературе признано, что, хотя действие «Метаморфоз» происходит в Греции, бытовые подробности Апулей заимствовал из жизни своей родной Африки. Конечно, роман не дает стройной картины аграрных отношений того времени, но кое-какие суждения можно сделать на основании отдельных замечаний о странствованиях и приключениях превращенного в осла Луция. Когда он помог знатной и богатой девушке Харите спастись из рук разбойников, он был в благодарность отправлен в ее имение и отдан на попечение ее рабу, исполнявшему должность главного пастуха. Этот раб имел в имении свое хозяйство: его жена заставила нового осла работать на своей мельнице. Здесь же в имении жили колоны, которым она ставала Луция для помола их зерна и которым продавала овес, отпущенный ему на корм. Жили и рабы и колоны в домиках, которые автор называет *villula* и *casula*. Рабов Хариты Апулей называет не только *servi*, но и *operarii* и *rustici*. Все население составляло как бы единое целое. Так, оно собирается вместе, чтобы обсудить, что делать с Луцием, который оказался бунен и непослушен. Апулей называет это собрание *coetus rusti-*

¹ Ср. Zaluska. «De patrocinis vicorum» («Oxford studies in social and legal history», т. I—II, 1909, стр. 15, где автор говорит, что в начале V в. под *vicani*, *rustici*, равно подразумевались колоны.

согум. Один из присутствовавших, *rusticus*, сообщает, что отправляется на ближайшую ярмарку; это свидетельствует об его известной самостоятельности. Рабы имеют некоторое имущество — собираясь бежать из имения после смерти Хариты, они захватывают с собой все ценное, что было в их *casulae*. Повидимому, поселение, бывшее на земле Хариты, представляло собой село, *vicus*, поскольку оно имело своего магистрата, к которому жители намеревались отвести человека, заподозренного в краже осла и убийстве пастуха. Деревнями жили также колонны. Когда бежавшие рабы Хариты проходили мимо какой-то виллы, жившие там колонны приняли их за разбойников и вышли все вместе с собаками, а затем стали бросать в них камнями с крыш домов, что возможно лишь в том случае, если поселение было типа деревни, а не разбросанных хуторов. Интересно, что к этим поселениям Апулей применяет и термин *pagus*, а к жителям, независимо от того, были ли они рабы, колонны или свободные, — термин *pagani*, хотя в более раннее время в Италии и при развитии муниципального строе паг обозначал обычно территорию, на которой размещались виллы свободных владельцев. Так, Апулей рассказывает, что Луций с бежавшими рабами пришел в некий паг, и от его жителей (*pagani*) узнал о происшедшем там событии: раб, управлявший по приказанию господина всей фамилией и всем владением (т. е. пагом) *possessionem maximam illam in quam deverteratus vilicabat*, влюбился в свободную женщину, и его жена, тоже рабыня, из ревности подожгла все его счетные книги и все, что хранилось в житницах. Повидимому, рабы жили здесь, так же как рабы Хариты, на положении крестьян, почему и назывались *pagani*, причем среди них жили и свободные, в одну из которых и влюбился виллик. Иногда эти поселения окружали виллу господина. Так, когда Луция купили странствующие жрецы сирийской богини, они пришли с ним на виллу богатого possessора, миновав многие хижинки (*casulae*). Иногда поселения колоннов Апулей называет и *castellum*. Придя в такой *castellum*, жрецы требуют для жертвы богине самого жирного барана у одного колона. Что здесь идет речь о колоне в собственном смысле, видно из того, что другой колон из этого кастелла послал в дар господину часть убитого им на охоте оленя. Таких сел, повидимому, было множество, так как они очень часто упоминаются на пути Луция. В этих селах было и свободное население. В одном паге Луций слышит известный анекдот о неверной жене. Муж ее, живший в этом паге, был не раб и не колон, а бедный ремесленник, нанявшийся на работу в мастерскую местного кузнеца. В другом кастелле жили владевший несколькими рабами мельник и его приятель-сукновал. Особо надо отметить, что жители села составляли вооруженный отряд: когда жрецы обокрали сельский храм, за ними погнался вооруженный отряд сельчан (*manipulus armati pagani*). Это находит полное подтверждение в надписях, сообщающих о постройке укреплений в имениях¹ и об отрядах колоннов².

Однако термин «паг» употребляется Апулеем и в его первоначальном значении территориальной единицы. Так, Луций попадает к бедному огороднику, продававшему овощи в соседнем городе. В ближайшем с ним паге жил владелец виллы и рабов, повидимому, не слишком богатый, но обеспеченный хозяин, соседями которого были бедный землевладелец и богач, силой отнявший у бедняка его землю. Иногда термин, обозначающий поселение, противопоставляется термину, связанному с именем. Так, один из разбойников рассказывает, что он, странствуя переодетым, заходил в виллы и кастеллы. Возможно, что на территориях, приписанных

¹ CIL, III, 19104, 19328; AEr., 1906, № 11.

² CIL, VIII, 8426, 8701, 8777 и Cagnat, 9.

городам, сохранялось римское деление на паги, тогда как в негородских местностях эти наименования не сохраняли особой специфичности и четкости.

Из данных «Метаморфоз» мы видим, что уже во времена Апулея происходит довольно интенсивная нивелировка сельского населения, что отразилось и на соответственной терминологии. Поселения земледельцев безразлично называются *vicus, castellum, pagus, villa*. Живут там сельские рабы, колонны, свободные крестьяне и ремесленники, причем по образу жизни и положению они мало отличаются друг от друга. Название *rustici* применяется ко всем этим категориям. Они объединяются и в классовой борьбе. Один из разбойников, предлагая навербовать новых членов шайки, не сомневается, что найдется много охотников примкнуть к ним, отказавшись от жизни раба или маленького человека — *paucos humili servilique vitae renuntiantes*. Еще раньше именуют себя *plebs rustica* и *rusticani* колонны императорских имений в африканских надписях. В посвященной им обширной специальной и общей литературе неоднократно отмечалась политика императоров, стремившихся приблизить положение этих колонов к положению свободных крестьян, что было связано с общей линией политики правительства во II—III вв., стремившегося поддержать и увеличить класс свободных мелких землевладельцев. Из кодексов мы знаем, что не только императорские колонны, но и рабы императорских имений имели ряд привилегий по сравнению с частными, так что и фактически и юридически раб, сидевший на императорской земле, по положению приближался к свободному крестьянину. Колонов императорских имений запрещалось обременять какими-либо повинностями, кроме тех, которыми они были обязаны по своему положению колонов¹. Они освобождались от *sordida munera* (CTh, XI, 16,5). Они имели право свободно торговать, не платя налогов (CTh, XIII, 1,8). Еще более отличалось положение раба на императорских землях от положения частного раба. Раб императорских имений имел право вступать в брак со свободной женщиной, и она при этом не утрачивала свободы, как случалось при ее связи с частным рабом (CTh, IV, 12,3). Он имел право вести всевозможные дела от своего собственного имени и, что самое важное, его право на его имущество приравнивалось к правам солдата на лагерный пекулий². В лагерный пекулий включалось движимое имущество, полученное солдатом от родных при его поступлении на военную службу, то, что он приобретал в лагере за свою службу, включая недвижимость и землю, купленную на полученные во время службы деньги. Не включалась в лагерный пекулий земля, полученная солдатом в наследство, или кем-либо ему подаренная помимо службы. Солдат, если он был *filiius familias*, оставался во власти отца, но лагерным пекулием мог распоряжаться как своей полной собственностью (CI, XII, 37, 1 и 3). Из уравнения имущества императорского раба с лагерным пекулием явствует, что его собственностью являлся полученный им инвентарь, движимое и недвижимое имущество и земли, приобретенные им на собственные средства, только земельный участок, полученный им от императора, был не его собственностью, а владением. Таких прав не имел частный раб (а впоследствии и частный колон), который лишался своего инвентаря, переходившего в собственность землевладельца, по закону не имел ничего своего и не имел права продать что-либо из своего пекулия без разрешения господина³.

¹ CI, XI, 64, 2; CTh, XI, 16, 2.

² Ulpianus, de iure fisci, 6.

³ Dig., XXXIII, 7, 24; CI, XI, 49, 2; CTh, V, 19, 1.

Вся история империи наполнена то затухавшей, то снова разгоравшейся борьбой, которую, вслед за представителями римской сенатской историографии, принято называть борьбой между императорами и сенатом. Особенно разгорелась она в III в., приняв внешнюю форму борьбы «сенатских» и «солдатских» императоров. Всякое усиление «солдатской» партии неизменно сопровождалось более или менее массовыми земельными конфискациями и тревожащими сенат слухами, что император собирается забрать в свои руки всю землю, принадлежащую «лучшим» людям, т. е. земельным магнатам, и раздать ее солдатам. Программа «сената» по земельному вопросу может быть восстановлена из некоторых намеков у ШНА и из речи Мецената у Диона Кассия. Она в основном сводилась к тому, чтобы все императорские земли были проданы крупным собственникам. Трудно говорить о том, что было бы, если бы исторический процесс пошел по иному пути, чем он пошел в действительности. Но для ясности аргументации можно попытаться сделать такое допущение. Если бы все земли перешли в руки императоров, то, по всей вероятности, они распорядились бы ими так же, как распорядились уже принадлежавшими им землями: часть роздали бы ветеранам, которые вели бы или пытались бы вести на них хозяйство муниципального типа при посредстве рабов, часть передавали бы своим рабам и колонам, которые по положению ближе всего подходили бы к положению свободных арендаторов и мелких держателей участков. Но так как в условиях кризиса рабовладения вести хозяйство, основанное на рабстве, было нерентабельно, то и пожалованные ветеранам земли постепенно за долги фиску снова возвращались бы в казну и снова передавались бы мелким держателям. При таких условиях, следовательно, частично воспроизводилась бы античная форма собственности (в колониях ветеранов), но при эволюции в сторону той формы, которую Маркс считает характерной для Азии, когда земельным собственником был суверен, а земельная рента совпадала с налогом¹, такой путь предполагал бы и государство, носящее много черт, близких к восточным государствам, и чрезвычайную застойность и медленность пути выхода из тутика, в который зашло разлагающееся рабовладельческое общество.

Однако, как известно, этого не случилось, и крупное частное землевладение все более упрочивало свои позиции. Как было сказано, на землях крупных собственников уже довольно рано складывается более или менее однородное сельское население, приобретающее в конце концов общее наименование *rustici*.

Чрезвычайно важен вопрос о том, в какой форме эти *rustici* эксплуатировались. Спор по этому вопросу очень стар. В упомянутой статье, посвященной колонату, А. Б. Ранович стал на ту точку зрения, что отработки не играли никакой роли в эксплуатации колонов. Те факты, которые свидетельствуют о противном, например, упоминания отработок в африканских надписях или в дигестах (XIX, 2, 24, 3), где говорится об обязанности колонов расширить участок и производить какие-либо работы, он считает результатом специального договора, заключенного с колонами, или, как в случае, упомянутом в CI, XI, 47, 8, где говорится о работах беглых колонов на земле нового хозяина, результатом ненормального положения колона, вынужденного принимать любые условия приютившего его владельца (ук. соч., стр. 103 сл.). А. Б. Ранович считает, что, наряду с колонатом, продолжает существовать рабское хозяйство и что владелец, обрабатывая свою виллу при посредстве рабов, в труде колонов не нуждался (ук. соч., стр. 97). Надо заметить также, что основным

¹ К. Маркс, Капитал, т. III, стр. 570.

мотивом прикрепления колонов к земле автор считает «заботу о налогах и анпоне» (стр. 100), мнение, вообще прочно укрепившееся в литературе.

Однако мне представляется, что есть ряд соображений, противоречащих этим точкам зрения. Во-первых, относительно того, что господская вилла обрабатывалась рабами. В статье о рабстве я уже пыталась показать, что рабский труд в III и IV вв. применялся главным образом в хозяйствах муниципалов и сходных с ними хозяйствах ветеранов, все более приходивших в упадок, тогда как на землях крупных владельцев рабы использовались в основном в качестве домашней челяди и ремесленников, а в земледелии они перешли на положение колонов. Особенно это относится к провинциям, где рабский труд получил вообще меньшее развитие, чем в Италии. Приведенные выше данные из Апулея лишней раз подтверждают это положение. Мы видели, что, судя по «Метаморфозам», в крупных имениях рабы и колоны находились примерно в равном положении и слились в общую категорию *rustici*, тогда как имение средних размеров, где гостил хозяин Луция, огородник, обрабатывалось рабами.

Во-вторых, упоминания работ колонов в кодексах вовсе не представляют такого редкого исключения. В параграфе XIX, 2, 24. Digest, на который ссылается А. Б. Ранович, действительно говорится о различных контрактах аренды, и можно допустить, что упомянутая там работа колона была оговорена в контракте. Но в параграфе 19 той же книги и раздела Ульпиан пишет об общих условиях взаимоотношений колона и владельца. Здесь он перечисляет инвентарь, который последний должен представить колону в обычном случае, и далее он рассматривает конфликт, который возникает, если землевладелец не желает принимать определенный сорт хлеба по оговоренной цене и не хочет вычесть из долга колона те деньги, которые являются платой за труд (*ex mercede*). Видимо, взнос части арендной платы трудом носил более или менее общий характер. Рескрипт Валентиниана Пробу (CI, XI, 47, 8), на который ссылается А. Б. Ранович, тоже не производит впечатления чего-то исключительного, вызванного бедственным положением беглого (кстати сказать, беглый вряд ли стал бы менять лучшие условия на худшие, напротив, при острой нужде в рабочей силе сманивший его хозяин скорее всего предложил бы ему лучшие против прежних условия). В этом рескрипте разбираются два положения, в которых могли оказаться беглые у новых хозяев: в первом случае «господа использовали их к своей выгоде» — беглые «получали что-нибудь от господ» (т. е., повидимому, земельный участок), и они обрабатывали их поля, не получая платы за труд. В этом случае у господ следует востребовать за них подати. Если же беглые платили за землю только часть плодов, а остальные оставляли в своем пекулии, или получали плату за труд, то подати следует востребовать с самих беглых, так как ясно, что это частный контракт. В заключение прибавлено, что, если земледельцы, как это обычно бывает, из-за торговых дел оказались должниками господ, то с них следует востребовать должное. Обратим внимание на первый случай: господа, принявшие беглых, должны уплатить за них подати, так как они использовали их труд в свою пользу. Но в таком же положении находились и обычные колоны. В рескрипте того же Валентиниана от 366 г. говорится, что господа должны выполнять повинности и платить подати за тех колонов, которые родились и были внесены в ценз в их имениях (XI, 47, 4). Сходные выводы предполагают и сходные предпосылки — владельцы должны платить подати за своих или чужих колонов, поскольку используют к своей выгоде их рабочую силу. Интересно и указание на долги колонов в связи с торговлей. Сделав колона своим должником, хозяин легко мог заставить его отработать долг. Наконец, в рескрипте Аркадия и Гонория прямо сказано, как нечто само собой разумеющееся, что

колоны обязаны годовыми работами и платежами господам, которые поэтому могут смотреть на них почти как на своих рабов (СІ, XI, 48,2). Если отработки колонов не упоминаются в кодексах более часто, то скорее всего потому, что они сами собой разумелись и включались в местные уставы типа *lex Manciana*, так же как и размеры платежей, которые также нигде в законах не определяются и так же предполагаются всем известными. Притом надо думать, что если на императорских землях, где положение колонов было лучше, число дней, занятых отработками, равнялось 6 или 12, то в частных имениях оно было больше. Далее, известно (об этом более подробно говорилось в статье о рабстве), какое большое значение придавалось в законодательстве обязанности отпущенников работать на своих патронах. Чем дальше, тем больше эта обязанность укреплялась. Принимались меры, чтобы отпущенники не могли ее обойти, было запрещено переводить ее на деньги. В III в. патронам было запрещено использовать отпущенников в качестве домашней прислуги, в ремесленном труде квалифицированных отпущенников патроны не могли нуждаться в очень большом количестве, за исключением тех случаев, когда сдавали его на сторону, следовательно, остается предположить, что здесь главным образом идет речь о сельскохозяйственном труде на патрона, который должен был представлять отпущенник, получивший при отпуске от него земельный участок или сохранивший таковой в качестве бывшего рабского пекулия — случай весьма обыкновенный. При нивелировке же различных категорий сельского населения, потребности в рабочей силе и задолженности колонов, эта трудовая повинность отпущенников, естественно, должна была перейти и на колонов иного происхождения.

Прямой иллюстрацией к использованию труда колонов в хозяйском имении является трактат Палладия о сельском хозяйстве. Я уже останавливалась на его данных в статье о рабстве и пыталась показать, что основной рабочей силой его имения не могли быть рабы, так как он считал всякого прилежного, инициативного и сильного раба опасным врагом и потенциальным мятежником. Своих работников он называет *rustici*, а если учесть приведенные выше данные о современной ему терминологии, то станет ясно, что эти *rustici* и есть колоны и крестьяне, по положению уже сближившиеся с колонами. Мало того, он прямо говорит, что срок на работу определяется обычаями провинций (I, 6). Что здесь идет речь именно о количестве отработанных дней, а не сроках производства работ, видно из того, что последние он в дальнейшем точно определяет в зависимости от производительности труда пахарей, жнецов, землекопов различной сноровки и силы. Следовательно, на землях Палладия и тех, для кого он писал, работали колоны, обязанные отработками, причем количество этих работ, как и другие повинности колонов, определялись обычаем провинции или имения и потому в законах специально не оговаривались.

Но если признать, что отработки чем дальше, тем больше приобретали значение в системе эксплуатации сельского населения, наряду с рентой продуктами и издольной системой, то это должно заставить нас отказаться от представления, что фискальные интересы играли такую первенствующую роль в политике относительно колонов.

Для периода феодализма Маркс и Ленин указывали, что развитие ренты шло от отработочной к ренте продуктами и к денежной ренте, хотя все эти формы ренты в разные периоды и сосуществовали при преобладании одного из этих видов. В империи с конца II в. мы наблюдаем обратный процесс — денежная рента сменяется рентой продуктами, к которой затем присоединяется отработочная рента, хотя и не получившая такого развития, как при феодализме. Смену денежной ренты рентой продуктами Маркс объясняет именно для условий империи низким уровнем обществен-

ной производительной силы труда¹. Ростовщичество и торговля, как указывал Маркс, в таких условиях разрушали античную собственность и вели к пауперизации мелких собственников². Однако, если при разложении феодализма и возникновении капитализма такие процессы вели к образованию пролетариата, росту рынка и дальнейшему развитию товарно-денежных отношений, то в условиях разложения рабовладельческой формации они вели к развитию натурального хозяйства и возникновению зависимого крестьянства. Изменения в положении крестьян происходили соответственно изменениям форм ренты, по сходному, хотя и противоположному, пути, как это происходило при обратных изменениях в период феодализма. Маркс писал, что при развитии денежной докапиталистической ренты непосредственный производитель фактически и юридически является собственником условий труда, отличных от земли, земледельцем является собственником условий земли; отношения между земельным собственником и земледельцем определяются договором, и возделыватель земли является арендатором³. Мы видим, что этими моментами и определяются первоначальные взаимоотношения колона-арендатора к землевладельцу и им соответствует правовое равноправие колона с землевладельцем в юридической сделке *locatio-conductio* и положение колона в обществе как полноправного лица *sui iuris*. Рента продуктами, по словам Маркса, предполагает господство натурального хозяйства, собственность землевладельца на землю и владение условиями труда непосредственным производителем⁴. Такое положение создается при дальнейшем развитии колоната, когда поссessor начинает снабжать колона инвентарем, при условии выплаты продуктами. Но рента продуктами соединяется часто с отработочной рентой как при разложении феодализма, так и, повидимому, при разложении рабовладельческого строя. Наличие же отработок, как указывают Маркс и Ленин, предполагает несвободное состояние непосредственного производителя, причем последний остается владельцем средств производства и условий труда, что предполагает внеэкономическое принуждение. Ленин указывает, что это-то и ведет к прикреплению производителя к земле; что при аренде земли за отработки хозяйственная сторона дела та же самая, что и при барщине; что отработки, как система, невозможны без той или иной формы прикрепления к месту жительства, без известной гражданской неполноправности крестьянина⁵. В. И. Ленин указывал, что если крестьяне получают от помещика землю, зерно, инвентарь и за это должны платить помещику и отработать на него, то это предполагает сословную неполноправность и сословную замкнутость крестьянина. Уплата крестьянином помещику его долга обеспечивается запрещением ему продавать продукты без участия помещика⁶. Как мы видели, даже и это последнее условие имело место в IV в., когда колону было запрещено продавать что-либо без разрешения землевладельца.

Таким образом, мы видим, что взаимосвязь этих явлений наблюдается в различных общественных условиях и, следовательно, закономерно искать ее и в условиях разложения рабовладельческого строя. Мы знаем, какое огромное значение приобретает в империи с течением времени вопрос о труде. Постоянные жалобы римских авторов на нехватку людей породили

¹ См. К. Маркс, Капитал, т. III, 1949, стр. 810.

² См. там же, стр. 346, 610, 623.

³ К. Маркс, Капитал, т. I, стр. 811.

⁴ Там же, стр. 807.

⁵ К. Маркс, Капитал, т. III, стр. 802 и 803; В. И. Ленин, Соч., т. 3, стр. 159 и 169; т. 2, стр. 449.

⁶ В. И. Ленин, Соч., т. 2, стр. 451.

даже известные теории об обезлюдении империи, хотя это обезлюдение было скорее относительным, чем абсолютным. Если в первую половину римской истории одним из основных вопросов был вопрос о земле, то с развитием кризиса рабовладения кардинальным вопросом становится вопрос о рабочей силе и формах ее эксплуатации. В статье о рабстве я пыталась показать, как падение производительности труда и обусловленная им нехватка рабочей силы вели к возникновению неразрывного комплекса работник — средства производства не только в земледелии, но и в других отраслях хозяйственной жизни; как борьба за рабочие руки шла между отдельными владельцами, между частными собственниками и императором, между различными типами хозяйств, причем победа все больше склонялась на сторону земельных магнатов.

Появление отработок наряду с рентой продуктами было естественным результатом этого положения, а внедрение отработок закономерно вызвало весь комплекс явлений, отмеченных Марксом и Лениным для периода феодализма.

Одним из важнейших среди этих явлений было превращение крестьянства из неосновного класса рабовладельческого общества в класс-сословие, который должен был стать основным в новую феодальную эпоху. Формирование этого класса-сословия осуществлялось за счет разложения старых, основных классов-сословий общества рабовладельческого, что вело к огромным социальным сдвигам, которые тяжело отзывались на самых широких массах населения.

Другое важное явление — возникновение государства Константина, как государства крупных землевладельцев, основывающих свое хозяйство на колонате, в противоположность ранней империи, опиравшейся на муниципальное землевладение, основанное на рабском труде. Именно с Константина начинается серия мероприятий, узаконивших последствия, вытекавшие из потребности крупных землевладельцев обеспечить за собой труд крестьян — и их прикрепление к земле, и сословная неполноправность, и ограничения в распоряжении имуществом. Социальная демагогия, свойственная ранней империи, возникшей в результате союза различных групп рабовладельцев, сменяется откровенной защитой одного только сенатского сословия, в жертву интересам которого приносятся интересы массы других жителей империи. Правда, и в течение поздней империи был ряд колебаний и отступлений, но Константин проводил основную линию достаточно четко.

Все эти данные показывают, что теория происхождения колоната из фискальной политики правительства не обоснована. Конечно, правительство использовало в своих интересах создавшееся положение, но это было лишь второстепенным фактором в формировании колоната. Не фискальные интересы правительства, и не какие-либо иные политические моменты обусловили развитие колоната, причины его возникновения следует искать в том, что рабовладельческий строй зашел в безвыходный тупик, исчерпал все возможности своего развития в тех экономических и социальных изменениях, которые были следствием этого кризиса формации.

Однако зачатки крепостничества в III—IV вв. еще не могли превратить западную империю в феодальное государство, поскольку производственные отношения рабовладельческого строя еще не были сломаны. Это сказывалось, во-первых, в тенденции сохранить и упрочить свойственное рабовладельческому обществу распределение собственности, при котором полноправным собственником являлся только рабовладелец, а в условиях III—IV вв. — фактически крупный землевладелец в деревне. О городе я здесь не говорю. Как было сказано выше, имущество и инвентарь колона становятся постепенно собственностью землевладельца, оставаясь у коло-

на лишь во владении. Судя по тому, что Палладий перечисляет многочисленный сельскохозяйственный инвентарь, необходимый в имении, его *rustici* работали на его земле с его инвентарем. Он пишет, что выгоднее брать колона, не имеющего своего хозяйства. Между тем, одним из условий феодального способа производства является наделение непосредственного производителя средствами производства¹; по словам Маркса, барщинная система отличается от рабского хозяйства тем, что раб работает при помощи чужих условий производства и не самостоятельно, тогда как при барщинной системе непосредственный производитель, будучи лично зависим, владеет своими собственными средствами производства, вещественными условиями труда². В империи же, как было показано, непосредственный производитель постепенно лишался средств производства. Любопытно, что Исидор Севильский в своей «Этимологии» понятие собственности (*bona*) связывает с людьми высших сословий (*honestiores* и *nobiles*), а *peculium* — с рабами и маленькими людьми³. Таков был конечный итог развития собственности в рабовладельческом обществе — она стала достоянием только высшего сословия, тогда как все остальные владели только *пекулием*, подобно рабам. Потребовалась коренная ломка рабовладельческих норм, раздел земли крестьянам, свободные франкские крестьяне, стоявшие между колонами и крепостными⁴, чтобы это положение было изменено и чтобы сложились условия феодального общества, когда «наряду с феодальной собственностью существует единоличная собственность крестьянина и ремесленника на орудия производства и на свое частное хозяйство, основанная на личном труде»⁵.

Во-вторых, гнет государства, созданного при рабовладельческом строе, безмерно усугублял гнет со стороны отдельных землевладельцев и лишал крестьянина всякой надежды на улучшение своего положения, а следовательно, и стимула к труду. Класс крупных землевладельцев уже в III в. приходит в известные противоречия с централизованной императорской властью. В западных провинциях среди магнатов складывается идеал императора, который был бы только полководцем, предоставив ведение внутренних дел «лучшим людям», т. е. землевладельческой знати. Первой попыткой осуществить эти планы было возникновение галльской империи Постума-Тетрика. Однако этот класс западной аристократии был еще недостаточно силен и вынужден был пойти на сговор с Аврелианом. Постепенно этот класс все более укреплялся и все более заявлял о своих требованиях. Начиная с Константина, он оказывает все большее влияние на государство. Однако противоречия между ними не были изжиты, и борьба между центральной властью и земельной аристократией продолжается в IV и V вв. Только потребность держать в узде эксплуатируемые массы умеряла эти противоречия, так как феодализирующаяся знать все еще продолжала нуждаться в более или менее сильной власти, хотя и пыталась переделать ее в наиболее выгодном для себя направлении.

В результате всех этих обстоятельств в Западной Римской империи рабовладельческое государство было окончательно уничтожено только вследствие крушения империи, а до тех пор оно продолжало оставаться тормозом развития новых феодальных отношений, поскольку при формировании феодализма «новые производительные силы требуют, чтобы у работ-

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 3, стр. 157—158.

² К. Маркс, Капитал, т. III, стр. 803 и 804.

³ *Isidorus Hispalensis, Etymologiarum libri, XX; V, 25, 4 и 5.*

⁴ Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, 1950, стр. 161.

⁵ «История ВКП(б). Краткий курс», стр. 120.

ника была какая-нибудь инициатива в производстве и склонность к труду, заинтересованность в труде»¹.

Я уже говорила выше о тех результатах, к которым привела бы концентрация всей земли империи в руках государства. Второй возможный путь был ее переход в собственность крупных землевладельцев, что ускорило бы развитие феодальных элементов. Борьбой между этими двумя путями определяются многие события III—V вв.

В «Происхождении семьи...» Ф. Энгельс дает анализ положения в конце империи и в начале развития феодализма. Как мне кажется, этот анализ снимает упоминавшиеся выше возражения, сделанные Вайнштейном В. С. Сергееву, которые сводятся к тому, что в конце империи не могли сложиться такие значительные элементы феодализма, раз феодализм начинает развиваться лишь с IX в. Энгельс указывает, что к IX в., спустя 400 лет, масса населения, повидимому, вернулась к своему исходному уровню и сложились те же классы, что к концу империи. Он объясняет это тем, что уровень производства за 400 лет не изменился и потому породил те же классы и то же распределение земельной собственности, что и в конце империи. Однако в силу происшедших за это время событий, люди, составлявшие эти классы, изменились, и те отношения между землевладельцами и зависимыми крестьянами, которые стали для первых безвыходной формой гибели античного мира, в IX в. стали для вторых исходным пунктом развития². Таким образом, возражения, делавшиеся В. С. Сергееву, лишены оснований.

Настоящая статья является дополнением к моей статье о рабстве и имеет целью подкрепить те выводы, которые я там пыталась обосновать. В основном они сводятся к следующему: одним из основных и определяющих процессов в истории империи, начиная с III в., является процесс сложения класса-сословия крестьянства, как основного класса-сословия будущей феодальной формации. Этот процесс тесно связан с разложением основных классов-сословий общества рабовладельческого, с одной стороны, и пережитков общинно-родовых отношений,—с другой. Первый путь более характерен для провинций с более развитым рабовладением, второй— для тех, где преобладало свободное крестьянство. Параллельно разложению хозяйств муниципального типа, основанных на рабстве, на землях крупных собственников уже с III в. складывается более или менее однородное крестьянское население из различных элементов, которое тем более консолидируется, чем более денежная рента сменяется рентой продуктами и отработочной рентой. В конце концов обе линии развития в западных провинциях приводят к аналогичным результатам, и зависимое сельское население делается основным эксплуатируемым классом и основным участником классовой борьбы против крупных землевладельцев и государства. Эта борьба была наиболее активна там, где в зависимое крестьянство обращались еще недавно свободные крестьяне-общинники. Следует отметить, что они же были самыми стойкими противниками христианства, ставшего религией государства и крупных землевладельцев, и упорно держались за своих сельских и родовых богов, связанных с их недавней свободной организацией. В указанных процессах следует искать ключ ко многим явлениям государственной и идеологической жизни III—IV вв.

Именно с III в. начинается переходный период от данной формации к другой. Товарищ Сталин указывал, что в силу низкого уровня развития

¹ «История ВКП(б). Краткий курс», стр. 120.

² Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, 1950, стр. 160—161.

производства феодализму понадобилось около 200 лет, чтобы доказать свое преимущество перед рабовладением¹. Именно в силу медленности этого перехода часто упускается из виду его специфика и появляется тенденция считать чисто рабовладельческим обществом не только общество III—IV вв., но и общество Западной империи V—VI вв., что ведет к нечеткости в периодизации истории античного общества и к переоценке случайных факторов в этой истории. Такова уже упоминавшаяся переоценка роли фискальных интересов в закреплении клониров, трактовка кризиса III в. как борьбы «сената» и «армии», представление о «сенате» как об извечном носителе республиканских, консервирующих традиций и многое другое. Между тем при изучении этих явлений могут выработаться совершенно иные взгляды, если все время держать в поле зрения то обстоятельство, что раб III в. не был уже рабом в классическом понимании этого слова и что та специфическая органическая форма, в которой неоплаченный прибавочный продукт высасывается из непосредственного производителя, была в III—IV вв. уже очень отличной от этой формы в более ранний период. Кроме того, следует постоянно помнить, что, несмотря на тенденцию к унификации, отдельные провинции шли разными путями и долгое время эта форма была для них также различна. Империя представляла собой «...конгломерат племен и народностей, живших своей жизнью...»²

¹ См. И. В. Сталин, Соч., т. 9, стр. 136.

² И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1951.